

Монреаль.

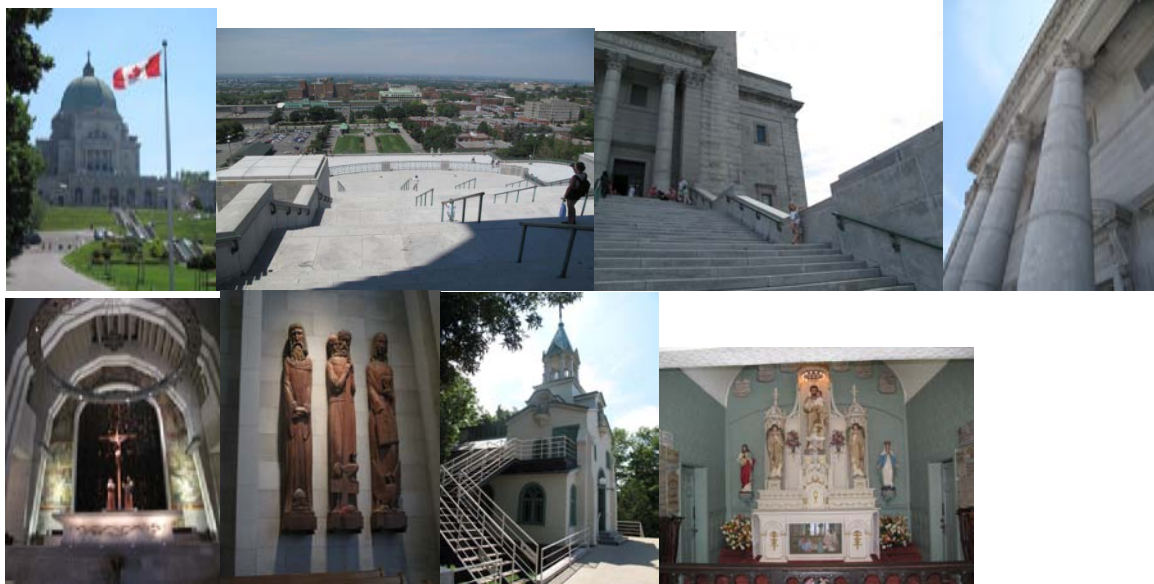
Расскажу вам о Монреале с точки зрения путешественника, не обременённого заботами о добычании хлеба насущного. Рассказать о трудовых буднях города на родном языке вам куда лучше могли бы многочисленные бывшие соотечественники, проживающие в этом славном городе. Их устами сложилась бы наверно совершенно иная, более прагматичная история. Моя ж история основана во многом на впечатлениях восторженного туриста, окунувшегося с головою в отрешённую от трудов тяжких и забот бременных часть жизни мегаполиса.

От классического туриста, обзоревающего достопримечательности города в туристическом автобусе, полностью деверившегося мудрости гида-экскурсовода и нашедшего уют в цитадели гостиницы с включённым в сервис питанием, меня отличало лишь то, что остановился я с семьёй в съёмной квартире, в обычном жилом квартале, и все экскурсии осуществлялись на собственном авто или пешком исключительно по собственному усмотрению. С районом нам повезло, потому как находился он на пешеходном расстоянии от центра города и от основных его достопримечательностей. За три недели мы настолько влились в окружающую атмосферу, что съёмная квартира на Авеню Риджвуд уже казалась нам нашим собственным, годами обжитым домом, лица соседей по дому стали привычны и узнаваемы, а французская речь, которая преимущественно звучала в нашем районе, стала не то, чтобы понятна, но как-то уже интимно близка, словно сотню раз услышанная мелодия. Не утомляя вас более вступлениями, перейду к описанию достопримечательностей города, которые непременно стоит посетить всякому приезжему, а так же городских развлечений, ради которых стоит сюда приехать.

Оратория Сант Жозеф.

Из достопримечательностей, которые находились в непосредственной близости к нашему жилищу, в первую очередь стоит упомянуть католический храм - Ораторию Сант Жозеф. Оратория, замечательная своим грандиозным размером и архитектурой, по этим параметрам сравнимая пожалуй с Исакиевским собором в Санкт-Петербурге, более всего всё-таки запоминается посетителю своим местоположением. Храм построен на высоком холме таким образом, что поднимающиеся к нему ступени словно бы уходят в небо, и у шагающего по ним посетителя всё более и более захватывает дух от открывающихся видов города. Благодаря такому местоположению храм хорошо виден из удалённых концов города. По мере подъёма по храмовым ступеням, исполинские размеры его становятся всё более ощутимы, даже у неверующего возникает, вероятно, инстинктивное чувство трепета перед силою, воздвигшей такую изящную махину. Я несколько раз подымался по ступеням на самый верх к воротам храма, сидел у подножья возносящихся в небо колонн и замирал, вглядываясь с высоты в городские дали. Такое чувство, словно великан на каменной ладошке поднял тебя над городом и дышит на тебя ветром. Ты же, чувствуя его присутствие, его мощь за собой, ощутив себя продолжением этой мощи, этого небесного дыхания, пьёшь глазами сверкающую солнечными фейерверками реку, летишь над поднимающимися над зелеными многоэтажными коробочками, маленькими фигурками, хаотично передвигающимися по лабиринтам улиц, мысленно вытягиваешься до утопающих в мареве горизонта гор, далеко за границами города. Особенно хорош город в лучах

закатного солнца в сладкой полудрёме, притихший вливающийся, в вечность. Это вид снаружи. Когда же тыходишь внутрь Оратории - словно бы попадаешь в иной карман реальности - звуки из наружного мира разом затихают, и рождается совершенно другая акустика, акустика огромной пещеры. Всякий шорох и шопот отрывается от своего источника и начинает жить самостоятельной жизнью. Ослепительный свет и летняя жара наружного мира сменяются полумраком и каменной прохладой. Скупые солнечные лучи просачиваются через полупрозрачные разноцветные мозаики немногочисленных окон, но в основном подсветка искусственная, концентрирующаяся на огромном, в несколько человеческих ростов, распятии, на статуях святых, в нишах стен и на барельефах с библейскими сценами и надписями латиницей. Во всю стену со стороны входа высятся трубы самого большого в мире органа. От входа в храм, с одной стороны до распятия на другой стороне ведёт проход, по обе стороны которого рядами расступаются деревянные скамьи для прихожан. Верующие, погружённые в себя, сидят на скамьях, словно дремлющие птицы. Вся обстановка призывает затаить дыхание, сесть, отрешиться от внешнего мира. Не вдаваясь в различия между верами, я сел на скамью пред распятием и обратился к своему Богу. Наверно я мог бы сделать то же, находясь в мечети, синагоге, буддийском храме - он не осудил бы меня за отступничество от своей православной веры, он бы понял.



Оатория Сан Джозеф, пожалуй, самая посещаемая туристами достопримечательность. Туристические автобусы вереницами тянутся к ней, нигде более в городе не видел я такого скопления их. Среди канадских автобусов увидел я и русский туристический автобус из Нью-Йорка - туристы преимущественно пенсионного возраста собирались группкой вокруг своего русскоговорящего экскурсовода - жителя Монреаля. Мне запомнился фрагмент невольно подслушанного разговора между пожилым русским туристом из Америки и Канадским гидом. Пожилой турист поинтересовался у гида "Ну а как у вас тут жизнь то в Канаде" на что экскурсовод ответил "Да, в общем и целом неплохо. У нас в любом случае не останешься без какой-нибудь крыши над головой". Я подумал про себя "Неплохо у вас ребята при социализме. В Америке вот

вполне вероятно, что останешься и без крыши, без еды, без денег и без здоровья, отсутствие каких либо гарантий - залог прогресса при капитализме. Умри или преуспей "

В тихоньком садике у подножия оратории запомнился мне парк со статуей святому Жозефу в ремесленной одежде с плотничьим инструментом. Парк укрыт в зарослях, так что не всякий его увидит, за отсутствием иных посетителей я себя ощутил как Адам в божьем саду. На памятной табличке прочёл я благословенье всем строителям великого собора и в первую очередь основателю его брату Андрею, задумавшему собор во славу Джозефу взявшему в жёны богородицу Марию. А немного в сторонке по правую руку от собора на холме ж обнаружил я часовенку, построенную братом Андреем чем то похожую на маленькую деревенскую церковку с ветхим убранством и скрипучими деревянными полами. Она то была предшественником собора и по-поверью исцеляла калек. В доказательство былым чудесным исцелениям внутри часовенки вдоль стен лежало множество костылей. Я попросил Жозефа помочь человеку, болеющему смертельным заболеванием, Жозеф не помог, во всяком случае, в этом мире. Наверное, божественное представленье о благе выше моего понимания, а может быть Жозеф просто не в силах был помочь, всё что он мог сделать чудесного он уже сделал, будучи при жизни плотником да по веленью Божьему взяв в жёны Марию. За то ему и храм-памятник на высоком холме.

Парк Монт Рояль

От нашего "дома" парк располагался в 20-ти минутах ходьбы, потому его исследование не предоставило особого труда. Название своё парк получил от одноимённой горы, вернее гряды холмов посреди большого города. Частью, он приспособлен для досуга многочисленных горожан - ухоженные выстриженные холмы в жаркие дни усеянные сражёнными солнцем телами загорающих, абстрактные статуи, навевающие тематику инопланетного ландшафта, асфальтовые дорожки с неутомимыми бегунами и ходунами, озеро с укрепленными камнем берегами, перенаселённое прожорливыми золотыми рыбками, по которому курсируют от берега к берегу водные велосипеды, стремящиеся протаранить друг друга по неопытности своих навигаторов, столики с мангалами в тени деревьев, на которых преимущественно восточные и африканские эмигранты жарят на углях мясо, стайки говорливых школьников, кучкующиеся вокруг вожатых летних детских лагерей. В жаркую погоду в парке полно народу - многие Монреальцы шуму и духоте городских улиц предпочитают зелёную травку да шелест листьев.



Но даже при том что в парк при хорошей погоде многолюден, есть в нём заповедные места, куда заходят в основном натуралисты изучающие флору и фауну. Козьи тропы уходят куда-то глубоко в

лесную чащу, где вполне можно заблудиться. Эту часть парка вполне можно назвать городским заповедником.

Кульминацией парка, которая в конечном итоге притягивает всякого туриста, является Шале Монт Рояль - дворцеподобное строение, пред которым на самой вершине холма раскинулась выложенная камнем мансарда или вернее площадка радиусом несколько десятков метров. Площадка обрамлена по фронтальному периметру перилами, за которыми следует крутой зелёный склон. У подножья склона начинается центральная часть города с небоскрёбами гостиниц, бизнес центрами, музеями, университетом МакГилл. К периллам среди ясного дня в хорошую погоду трудно подступиться - так велика конкуренция желающих сфотографироваться на фоне городских ландшафтов или просто изучающих свысока географию города и его дальних пригородов. Вид с площадки открывается на часть города диаметрально противоположную той, что видно со ступеней Оратории Сан Джозеф. Побывав и там и там, приезжий полноправно может заявить, что в буквальном смысле видел весь город, и не только город, но и все горные гряды, окаймляющие пригороды по горизонту, все леса поля и реки, что окружают Монреаль. Свысока Монреаль - типичный мегаполис современных высоток. Городской ландшафт оживляют, впрочем, купола разнообразных храмов да эпизодические оазисы зелени, для которой, несмотря на плотную застройку, градостроители оставили некоторое пространство.



Биодом и Инсектарий

Выдающимися чертами ландшафта являются так же сооружения бывшего олимпийского комплекса, знакомые мне по олимпийским телетрансляциям. Ныне, все эти сооружения используются для образовательно-развлекательных нужд. Мы проехали полгорода, чтобы посетить главное олимпийское сооружение, в котором ныне располагается крытый зоопарк Биодом, представляющий флору и фауну всех климатических поясов, а так же другое олимпийское сооружение, в котором находится ныне Инсектарий - музей насекомых.



Увы, ни флоры, ни фауны, ни насекомых, обещанных красочными брошюрами, лицезреть не удалось, так как весь персонал Биодома и Инсектария без всякого оповещения новоприбывающих туристов ушёл на забастовку на неопределённое время. Могли бы хоть в интернете об этом написать, чтобы приезжий народ попусту время не тратил. Кстати наглядный пример того, что устройство различных олимпийских объектов с дальним планом на их послеолимпийское будущее должно принимать во внимание расходы на их обслуживание после Олимпиады, в том числе и зарплаты обслуживающему персоналу. Если эти расходы не покрывает ни госфинансирование, ни прибыль от коммерческого использования этих объектов - то вряд ли будущее поколение скажет большое спасибо их строителям.

Музей Изящных Искусств.



В один из редких пасмурных дней мы с семьёй решили заглянуть в Музей Изящных искусств, в центральной части города. Он состоит из двух частей, находящихся по разные стороны улицы - одна часть - здание классической архитектуры с греческими ребристыми колоннами, каменными ступенями восходящими ко входу в музей. А другая часть - современное кубистическое сооружение из стекла и бетона. Времени у нас хватило только на осмотр первой части музея. На первом этаже старого здания - античная Греция с глиняными кувшинами, статуями, вазами, чашами, украшениями, коллекция мебели и различной домашней утвари 19-20 веков, на втором этаже - в основном живопись и скульптура канадских мастеров.

Здесь я открыл для себя, что в Квебеке существует совершенно своя независимая школа классической живописи со своими неизвестными мне дотоле большими именами. Работы этих мастеров вряд ли так легко увидеть в музеях за пределами Канады. В постоянной экспозиции представлены работы квебекских художников, на мой взгляд не уступающие многим европейским и американским коллекциям. Мне запомнились картины Марка Ореля Фортина. Казалось, что в каждом пейзаже художник словно бы видит и глубоким цветовым контрастом выделяет идеальную сущность объектов. Глядя на его работы, начинаешь чувствовать какую то необъяснимую ясность сознания. Не упрощение форм, а именно концентрация на их сущности характеризует его работы. По стилю его картины напоминают иллюстрации к сказкам. Или работы Марка Шагала, правда выполненные с большей степенью реалистичности. Очень понравилась и реалистичные квебекские пейзажи Озиаса Ледука.

С канадскими художниками было представлено искусство канадских эскимосов - инуитов - статуэтки, вырезанные из камня и кости. Когда-то эти статуэтки очаровали европейских

переселенцев, осваивающих эту часть материка. Производство их было поставлено эскимосами на широкую ногу, чтобы удовлетворить растущие вместе с развитием транспортных сообщений с Европой спросы.

Мотивы эскимосского быта, животный мир Севера запечатлены в этих округлых сглаженных формах, по стилю напоминающих увеличенные в размере японские фигурки нэцкэ.

В том же здании представлена временная экспозиция работ из стекла из частной коллекции Анны и Джо Мендель.

При взгляде на каждый экспонат коллекции у вас возникает состояние гармонии, в которой симметрия и правильность форм совершенно не очевидны. Нет никакой явной зацепки разуму, пытающемуся объяснить, почему именно это красиво. Просто красиво и всё - смотришь и впадаешь в приятное энергетическое состояние, внутри тебя тоже отзывается что-то извилистое, полупрозрачное, хитрозакрученное - пытаешься объяснить себе что это такое, и объяснение твоё упирается на ограниченность слова, одномерность мысли. Наверно есть вещи, которые можно выразить только музыкой, или только цветом или только стеклом, как в этой коллекции.

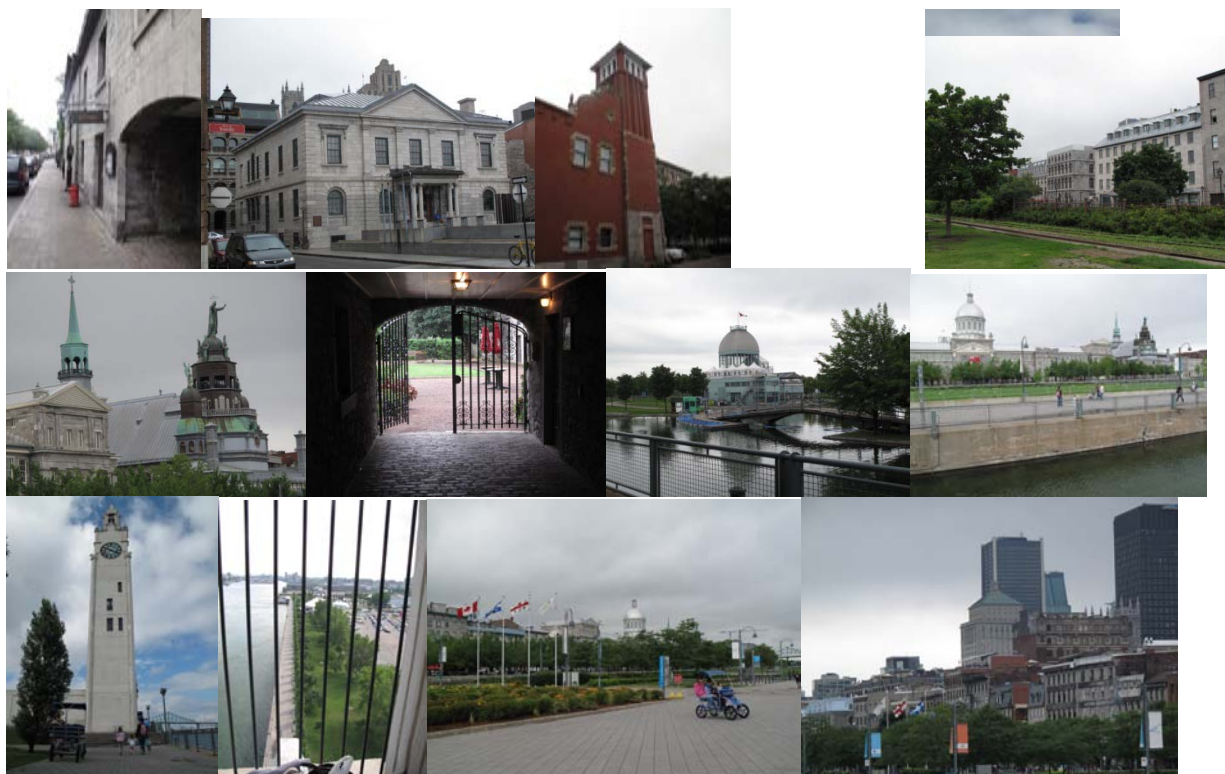


Старый Город.

При взгляде на Монреаль сверху, с горы Монт Рояль, трудно за частоколом высоток современного мегаполиса угадать совершенно другой, старый город, который сродни духом европейскому средневековью. Меж тем, Старый Город - это значительный по величине район, который граничит с Монреалем современным деловым высотно-однообразным. С широких шумных проспектов, пролегающих среди кварталов стеклянно-бетонных каркасов международных корпораций, банков, бизнес-центров вы неожиданно оказываетесь в лабиринте узких улочек, старинных каменных домов, по вечерам освещаемых фонарями, именно такими, какие в стародавние времена зажигали фонарщики, протягивая длинный шест-факел (конечно ныне в этих фонарях наверняка стоят энергосберегающие лампочки). Подоконники домов украшены подвесными клумбами, с милыми глазу цветниками, компенсирующими обитателям колодезный сумрак узких улочек, отсутствие иной уличной растительности и недостаток вида из окон. Покружив на машине по лабиринтам старых улочек, в тщётном поиске доступной по цене парковки, мы припарковали машину на платной точке у обочины тротуара за 8 долларов на два часа и решили прогуляться пешком в направлении набережной. Узкие улочки были относительно немногочисленны - красоту их зданий можно было рассматривать только фрагментарно, задирая голову и любуясь декоративными элементами классической архитектуры. Когда-то люди красиво строили, красиво говорили - ныне человеческое общение трансформировалось в краткость смс

сообщений, а скупой на декорации прагматизм простых геометрических форм восторжествовал над флористическими барельефами, украшающими фасады зданий, помпезными наличниками, многоярусными карнизами и повторяющимися замысловатыми паттернами, геометрию которых может воспроизвести только профессиональный художник. Блуждание по старому городу рождает светлую тоску по прекрасному, ушедшему, необратимому прошлому. В этом есть нечто сродни личностной ностальгии: где-то в начале жизни в школе, в вузе, ты с головой уходишь в мир красивых слов, великолепных умственных построений, тебя окружают люди, для которых эти умственные построения такая же реальность, намного превосходящая мир банальной необходимости. Кто-то рисует, кто-то поёт, кто-то пишет стихи, с упоением обсуждает характеры литературных и киношных героев, болеет мистикой и видит в каждом сне знамение, определяющее судьбы, а потом наступает время, когда вся эта реальность отступает перед решительным натиском простой, как телегино колесо жизни. Память хранит все эти изящные формы прошлого, но у них уже нет привязки к настоящему, они были просто, чтобы свершится. Наверное, они были настолько совершенны и закончены, что им не суждено трансформироваться во что-то более совершенное - их рок - навсегда остаться в своём времени, уступить место начинающему с самого нуля: с простых фигур, звуков и примитивных жестов. Так и Старый Город - памятник своего времени, затерявшийся среди частогокола современных небоскрёбов, не имеющих никакой родственной связи с ними.

Из лабиринта улочек мы вышли на набережную. Со стороны набережной архитектурный ряд Старого Города можно было лицезреть во всей его красе. Если вообразить, что у города есть лицо, то увидеть лицо Монреаля можно именно отсюда, со стороны набережной. Если малые улочки старого города были немногочисленны, то набережная была полна народу. По променаду вдоль реки сновали веломобили, которые туристы берут напрокат. Музеи, выставки, аттракционы, расположенные на молах и островках, тянувшихся вдоль берега, привлекали толпы туристов, несмотря на свою дороговизну. На площади перед зданием Дворца уличные артисты собрали вокруг себя немалую толпу. Время у нас было ограничено длительностью платной парковки, потому, единственное, что мы успели - это пройти вдоль по набережной, до часовой башни, стоящей у самой воды, и по спиральной лестнице подняться на самый её верх. Вид из флигелька на самом верху башни открывался захватывающий, хотя вниз, через железную решётку начинавшихся от пола проёмов во флигельке, смотреть было страшновато, особенно на бурную закручивающуюся воронками водоворотов мутную воду реки прямо у подножья башни. В моей памяти всплыл на поверхность детский страх – когда-то, во Владикавказе, когда мне было лет шесть-семь, я поднялся на самый верх мечети, стоящей на берегу бурной горной речки Терек. Глядя вниз на бурлящую серую воду через жиденькую решётку нависающего над водой, на высоте сотни метров балкончика, я испытал такое чувство страха, что буквально врос в этот балкончик, боясь сдвинуться с места. Где-то задней мыслью я понимал, что-то, что я вижу вокруг очень красиво, и страх делал это ощущение красоты пронзительным. Здесь на часовой башне ко мне вернулось это чувство пронзительной красоты. Именно этим и запомнился мне Старый Город - своей пронзительной красотой. Наверное, у всех побывавших здесь остался в воспоминаниях свой Старый Город, конечно, моё восприятие очень субъективно.



Салют

Монреальцы умеют отдыхать. Летом каждую субботу на острове Жан Дюпре устраивают такие чудеса пиротехники, что с ними может сравниться только проводимый единственный раз в году традиционный салют на День Независимости в Нью-Йорке. Полгорода собирается под мостом, ведущим к острову Жан Дюпре, чтобы замороженно смотреть на распускающиеся во всё небо огненные астры и вырисовываемые блестящей пылью сердца. На протяжении часа, задрав головы, канадцы наблюдают, как на небе под громогласные раскаты меняются картины искрящегося калейдоскопа. Вся эта феяерия сопровождается пением горячо любимой всеми канадцами Селин Дион, певицы канадского происхождения, прославившейся на весь мир исполнением песни к фильму Титаник. Что более всего удивило меня, так это то, что тысячи горожан всех возрастов (а на набережную под мостом приходят и семьи с младенцами, и стайки тинэйджеров, и пожилые канадцы) без толкотни и суматохи рассаживаются, словно в кинотеатре, на площади в несколько квадратных километров, на газонной траве и перекрытых ради мероприятия автотрассах. При этом плотность народных масс такова, что люди сидят друг от друга на расстоянии протянутой руки. Никаких конфликтов, накакого трясучего ража, никаких животных воплей из толпы, никакой беснующейся перегретой напитками молодёжи. При этом нет и видимых признаков стражей порядка, или какой-либо принудительной организации. Никаких бронетранспортёров и вооружённых людей в формах. Все присутствующие словно журавли в клину, или как рыбки в косяке инстинктивно следуют невидимой природной гармонии. При всём при этом группы тинейджеров вытаскивают из багажников припаркованных машин ящики пива, выпивают, но видимо алкоголь не срывает их с тормозов, не выносит муть из глубины души на

люди. По-видимому, у них нет тормозов, нет мути на душе. В благополучном обществе всё это исчезает вместе с необходимостью тотального контроля, избытка полиции и военной техники. Наверное, я идеализирую канадцев, но тогда, у моста к острову Жан Дюпре я был заморожен не только их великолепным салютом, но и ими самими, их невоинственной любовью к родному городу, родной им певичке, друг к другу. Во мне проснулось эхо моего детства 70е-80е - улыбки и наивность земляков, "Лето, ах лето, лето звёздное будь со мной" слова всем известной песни всеми любимой певички моей земли моего времени. Ностальгия? Да нет - скорее светлая радость тому, что хорошее повторяется - в новом обличье, на другой земле, на другом языке, в другом времени. Гигантские астры, вновь и вновь расцветающие во всё небо, вдруг в одно мгновение гаснут, и звёздная ночь накрывает всех, все замирают на мгновение, лица полны тихого восторга и надежды, в глазах ещё искрятся огненные линии, круги, спирали. В каждом сердце теплится вера в то, что будет что-то хорошее, если не сейчас, то потом, если не здесь, то где-то. Но обязательно будет.

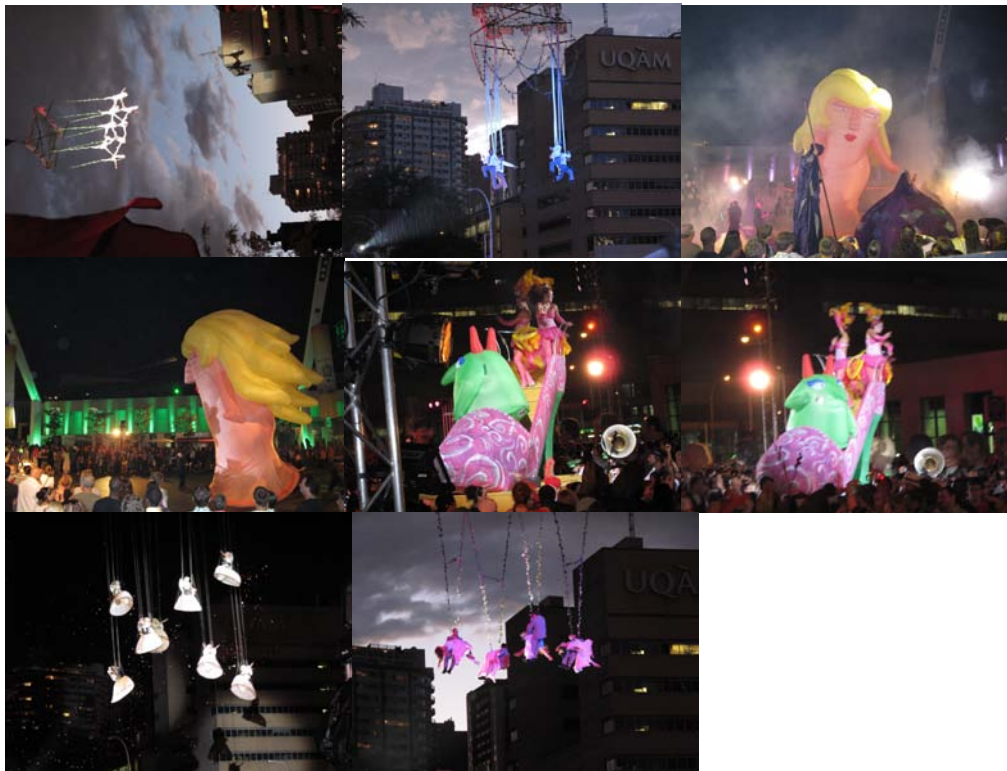


Фестиваль "Просто Смеха Ради"

Если летом, вечером, вы направитесь в центр Монреаля, поближе к Плас дез Арт - вы непременно попадёте в центр какого-нибудь фестиваля. Один фестиваль, проходящий на протяжении нескольких недель, сменяется другим фестивалем, создавая атмосферу бесконечного праздника жизни. Нам повезло пару вечеров подряд лицезреть один из череды летних фестивалей под названием *Juste pour rire*, что в моём вольном переводе с французского означает «Просто смеха ради». *Place des Arts* - это комплекс сооружений, в которых находятся театральные и музыкальные залы, выставочные центры, гостиницы. На время фестиваля все улицы и площади, окружающие Плас де Арт, перекрыты ради представления, по масштабу своему сравнимому с бразильским карнавалом. Актёры, певцы, фокусники, акробаты из 20-ти стран принимают участие в организованном уличном действе. Основное представление, одного которого ради стоит посетить Монреаль летом, проходит на одной из двух центральных сцен. Сюжет его выстраивается вокруг любовной истории матерчатой зелёной куклы с рожками, Виктора, к дирижаблеобразной светящейся надувной фигурке Роуз. Собственно, постановок со сходным сюжетом две - Розовая Золушка и Великий Поцелуй. Мы попали на Великий Поцелуй, или, как это звучит по-французски Гранд Безу. Начинается представление выстреливанием из 15-ти метровой пушки американского смельчака Дэвида Смита -Пушечное Ядро, героя во втором поколении (в том смысле что предок его тоже зарабатывал себе на дольче виту развлекая любителей

щекочущих нервы зрелищ). Приготовление к выстрелу под барабанную дробь и разогревающую публику заводную речь одетого в ковбойскую форму конферансье занимает куда больше времени, чем сам номер.

После того как на громогласное, повторяющееся воззвание к толпе *est que vous etes pret* (Вы готовы?) - толпа на одном дыхании извергает *Pret* (Готовы), на площадь выбегает одетый в пестрый обтягивающий костюм пружинистый Дэвид, проверяет крепость шестов, на которых натянута готовая принять падающее с неба тело сетка, несколько раз обегает толпу, жестами вопрошая у зрителей моральной поддержки, с акробатической лёгкостью взбирается вверх по стволу пушки, задержавшись на несколько минут на краю, чтоб повторить те же вопрошающие жесты, ныряет в её жерло и быстроты глаз не хватает, чтобы отследить всю траекторию полёта. Оглушительная залп. Столп огня, вырывающегося из жерла вместе с телом, уносящимся в ночное небо. То же тело, словно низвергнутое небом, молниеносно врывается в сетку. Сетка натягивается и прогибается чуть ли не до самой земли. И вновь, живой и невредимый Дэйв Пушечное Ядро под восторженный рёв публики по шесту съезжает обратно на землю.



Пока толпа успевает опомниться от пушечного номера, на сцене готовится эпическое вступление. Шеренга музыкантов, одетых в форму сказочного Щелкунчика, с барабанами через плечо, ритмично отбивает марш, под звуки которого на сцену выбегает конферансье и объявляет о начале великого представления. Единственно, что я могу понять из его пафосной речи на французском - это то, что пред нашими глазами откроется история любви нашего принца Виктора и его возлюбленной Роуз, которые должны воссоединиться в Великом Поцелуе. По завершении речи небо озаряет салют, Щелкунчики с барабанами расступаются и за их спинами

обнаруживаются погруженные в сумкообразные полотна фигуры. Полотна подвешены к раме, которая в свою очередь держится на тросе, опускающемся с длинной, длиною в многоэтажное здание, стрелы крана. Фигуры обволакивает поднимающийся со сцены, подсвеченный фиолетовый туман. Статные танцоры в белом подходят к фигурам и начинают раскручивать их вместе с рамой словно карусель. Вращающаяся карусель со свисающими в полотнах фигурами поднимается в тёмное небо освещаемая лучами прожекторов. На высоте, фигуры в полотнах оживают, обнаруживая идеальных пропорций женские формы. Сначала они угадываются в оживших изгибах непроницаемых полотен. Затем из полотен появляются стройные муленружевские ножи, руки, плечи, лица. Девушки в полотнах начинают кружиться в воздухе, танцую всем телом, паря в ночном небе. Полотна скручиваются в верёвки, на которых танцовщицы виснут, медленно опускаясь на сцену. Танцоры подходят к ним образуя пары и плавными перетекающими движениями пары подходят к краю сцены руками, указывая куда-то вдаль. Со сцены свет прожекторов, перемахнув толпу, сосредотачивается на другом конце площади, откуда появляется раскачивающаяся, подсвеченная изнутри розовая кукла Роуз, высотой в два-три этажа. Её сопровождают ряженые в костюмы бедуинов актёры на ходулях, которые закрывают непомерно длинные чёрные халаты. Танцовщица белиданса тоже на ходулях, сокрытых огромным колоколообразным платьем, исполняет танец бабочки, вырисовывая развевающимися шелковыми шарфами круги и спирали. Танцевать танец живота на ходулях, согласитесь, не малое мастерство. Толпа расступается перед плывущей, словно воздушный шар, Роуз и танцорами на ходулях. Ритмичная восточная музыка, поглощающая толпу, приводит в движение всех - даже сидящие по обочине площади в открытых кафе люди начинают пританцовывать.

В это время со сцены танцоры поднимаются в воздух подвешенные на тех же полотнах. Внимание зрителей переключается на акробатические номера, исполняемые ими в воздухе. Затем из-за сцены появляется огромная розовая туфелька размером чуть меньше Роуз. Она медленно плывёт в направлении Роуз. В носовой её части, поворачиваясь направо и налево, приветствуя толпу, движется Виктор - симпатичный упитанный зелёный чёртик с красными рожками. Над ним на каблучном возвышении, играя статными ножками в кабаретных костюмах с пышными перьями на головах, едут две очаровательные особы, сопровождающие Виктора, видимо для того чтобы лично засвидетельствовать, что Виктор сильно скучал без Роуз.

Неожиданно прожектор высвечивает в толпе целый ансамбль болливудских танцовщиц и танцоров в пёстрых индийских шелках с красными флагами - в этом месте толпа словно вскипает и музыка меняет мотив из трансцендентального арабского на болливудский. Волна индийских танцоров, продолжая кипеть пёстрыми шелками, флагами и извивающимися в такт музыки телами, переливается сквозь толпу к сцене и выплёскивается на неё. На сцене творятся массовые чудеса гибкости и быстроты человеческого тела, движения почти неуловимы глазом.

Болливудские танцоры на сцене сменяются жонглёрами с огненными кеглями.

Роуз и Виктор встречаются посередине площади. Наступает центральный момент Гранд Безу, сопровождающийся танцами болливудских танцовщиц, танцоров на ходулях и итальянским оперным пением.

Затем, опять в небе появляются танцовщицы. На этот раз стрела крана выносит их в матерчатых конусах, по радиусу которых мигают огоньки - всё это создаёт впечатление плывущих по небу летающих тарелок. Оказавшись над сценой летающие тарелки превращаются в колоколообразные сарафаны, из которых появляются тела танцовщиц. На этот раз они рассыпают с высоты блестящую мишуру и дирижируют бенгальскими огнями. Всё это происходит под пронзительную, скрипичную мелодию, исполняемую разгуливающим по сцене музыкантом в белом фраке.

По ходу появляются и другие персонажи - инопланетяне в пластиковых шарообразных костюмах, ходячие куклы с огромными головами, сделанные, видимо, по типу известных канадских телеведущих, пираты, ирландские музыканты.

В конце шоу все они появляются на сцене. Ну и, конечно же, шоу завершается непрерывными залпами салюта, озаряющего всё небо - монреальцы обожают салюты.

Индийский фестиваль Пау-Вау.

Если быть точным, то фестиваль пау-вау проходит не в самом Монреале, а в одном его пригороде, где располагается индейская резервация, минутах в 25-ти от центра города. Собственно, резервация мало чем отличается от обычного пригорода с благополучными частными домами, с большими участками, стриженными газонами. Единственно, что отличает резервацию - это особая философия индейцев применительно к планированию застройки. Индейцы не строят частные дома прямо на берегу реки, они строят дома на удалении от воды, оставляя место на берегу для парков с дорожками, скамейками, которыми может пользоваться любой член общины и любой гость. У индейцев вообще исторически концепция землевладения выражалась следующей формулой: "Не земля принадлежит человеку, а человек принадлежит земле". Отношение их к земле - вроде как к матери, которая их родила - о ней надо заботиться, и как в большой семье, где много сестёр и братьев, все понимают, что мать принадлежит всем в равной мере, её любовь и внимание нельзя разделить на наделы с незыблыми границами. Европейцам, которые завоёвывали американский континент, очень трудно было объяснить индейцам, что такое частная собственность. За четыре века, конечно, объяснили, и ныне индейские семьи живут в частных домах, построенных на частных участках. Однако же, из уважения к традициям, большая часть земель резервации принадлежит общине и доступна каждому точно так же как берег реки. В других монреальских пригородах и земли в основном частные и берег реки плотно застроен, тем, кто не владеет домом на берегу, доступ к реке практически заблокирован. Исключение составляют находящиеся у воды территории заповедников, за въезд в которые надо платить немалые деньги. В индейской же резервации открывается милая сердцу картина - дети собрались у моста и купаются в реке. При этом надо заметить, что поскольку земля по индейским верованиям им мать, в общественных местах нет мусора, никто не гадит - зачем же гадить собственной матери. Устоявшаяся традиция или тем более вера всегда куда более эффективна, чем формула закона. Если таковой веры нет, тогда от варварского отношения к общественной земле спасёт только частная собственность.

Итак, фестиваль пау-вау, организуемый коалицией индейских племён, проводится на общественной земле индейской резервации. Вход что-то порядка 5-ти долларов с машины. Основное действо фестиваля - это исполнение членами племени традиционных танцев под психоделическую музыку, чем-то напоминающую стон, либо зарождающегося или либо наоборот, помирающего под бой бубнов зверя. В общем, что-то сродни шаманскому звуковому сопровождению обрядов северных народов. Всё это происходит на просторном круглом, покрытом стриженной травой возвышении, которое со всех сторон окружают ступенчатые трибуны для зрителей. Жюри под навесом объявляет очередной танец и провозглашает лучших исполнителей. Танцы следуют по возрастным и по половым категориям, то есть, например, девочки до 5-лет, девочки с 5-ти до 17, юноши до 17-ти, мужчины от 17 до 45-ти, мужчины старше 60 и т.д. Есть и общие танцы, в которых принимают участие индейцы всех возрастов – пританцовывая, проходя круг вокруг сцены. В таких танцах могут принимать участие и все желающие, по ходу пристраиваясь к индейскому кругу. Вероятно, круговой ход символизирует жизненный цикл, слияние начала и конца.

Кроме, собственно демонстрации красоты и гармонии движений имитирующих птиц и животных, танцы имеют целью наилучшим образом показать зрителям индейские наряды. Их с равной степенью можно назвать показом индейской моды. Перья, целиковые шкурки всякой пушной живности, дублёные кожи, птичьи головы с крючковатыми носами, вышитые бисером холсты - из всего у настоящих индейцев получаются такие костюмы, что киношные индейцы из американских вестернов просто голь перекатная, бедолаги в обносках. Перед всяким индейцем, направляющимся к сцене в своей амуниции, толпа с уважением расступается – кажется, что костюмы это вовсе не костюмы а продолжение видоизменённого человеческого тела, приобретшего животно-птичьи формы. В своих нарядах они словно становятся больше в два раза. Представители многих индейских племён, впервые увиденные европейцами, описывались в летописях как люди-гиганты. Наверно кроме природной стати такую репутацию им создавали их наряды.

Детки 3-х летнего возраста, выступающие в первый раз без родителей, проходят через танец что-то вроде обряда посвящения. Мне запомнилась, как одна крохотная девочка-индианка не выдержала прикованного к ней зрительского внимания и с рёвом, спотыкаясь о полы своего непомерно большого платья, убежала со сцены. Не просто стать индейцем!

Зато оставшиеся две крохи порхали над травкой, словно пёстрые бабочки, играя нарядами словно крылышками.

То, что происходит на сцене, кроме развлекательной части имеет какой-то внутренний смысл - это что-то вроде открытого публике индейского обряда.

Почти как православный крестный ход, когда духовные лица, облачённые в свои церковные одежды, обходят храм в сопровождении верующих. Суть обряда понятна только представителям религии, для непосвящённых же это просто любопытное зрелище.

Забавно смотреть, как выступившие индейцы идут к киоскам-кафе на колёсах и стоят в очереди за обычной пиццей, а потом подходят к своим джипам, разоблачаются, складывают в багажники свои громоздкие, с распушенным во все стороны опереньем наряды, и водою из пластиковых

бутылок смывают с лиц нарисованные краской маски. И после этого угадать в них потомков коренного населения континента можно только по некоторым чертам лиц, хотя и черты лиц у многих уже совершенно европеизированные. В отличие от других пригородов Монреаля население индейских резерваций преимущественно говорит на английском, потому язык фестиваля - английский. Племена, проживающие в Квебеке, тесно связаны с племенами проживающими в северной части США - наверно этим объясняется языковое предпочтение.

Значительная часть фестиваля - это просто ярмарка индейского кустарного искусства. Сотни посетителей блуждают от навеса к навесу, выбирая себе целиковую шкуру медведя или лисицы, тамогавки, ожерелья из звериного зуба или целые индейские наряды - копии тех в которых танцуют индейцы на сцене.

В общем одним словом на это стоит посмотреть - мероприятие довольно необычное.



Экзотические Фермы

Минутах в 30 от Монреаля, если ехать в направлении гор Лорентидов, расположена сельская местность, которая природою своей и просторами очень напоминает российскую глубинку средней полосы: те же берёзовые леса, те же широкие поля с клевером да колокольчиками, тот же травяной запах с навозной отдушкой. Только вместо покосившихся рубленых изб да новорусских громоздких коттеджей с бастильскими стенами и каменными оградами - простые аккуратненькие домики с террасами в окружении цветников и фигурно стриженных кустарников, артистичные таблички у входов - ничего вычурного, всё простенько, но со вкусом. От американской глубинки квебекская отличается большей артистичностью, утончённостью и разнообразием. Англосакская культура сильна своей автоматизированной, конвейеризированной, гигантизированной сутью - во всём стремится поразить в первую очередь размерами, количеством, скоростью; французская ж культура концентрируется на изяществе и на чувственности - всё сотворённое должно непременно выглядеть красиво, утончённо, вызывать эстетическое удовлетворение, радовать глаз. Вот так и получается что кому-то самая сильная экономика, а кому-то просто изящная жизнь.

Как говорили древние: каждому - своё.

В стремлении к разнообразию и неординарности жители Монреальского пригорода, которым видимо идея обычных ферм, столь многочисленных по всему Квебеку, приелась, и чтобы вызвать интерес к своей местности у туристов, открыли ряд экзотических ферм. Информацию о них мы нашли в брошюрах, которые бесплатно можно взять в любом туристическом центре Монреаля. Среди экзотических ферм в брошюрах упоминаются ферма попугаев и тропических птиц, ферма рептилий, страусовая ферма и ферма пчелиная, где делают продукты из мёда и, главное, медовые вина. Мы посетили все фермы, кроме фермы рептилий - не то чтобы у нас совершенно нет интереса ко всяким гадам ползучим, детки мои их, напротив, очень любят, но просто у нас на всё не хватило времени, и к тому же эту живность мы в изобилии видели во Флориде, в заповеднике Эверглейдс, в который ездили всего за несколько месяцев до Монреаля.

Первая ферма, которую мы посетили - ферма попугаев и тропических птиц. Заплатив за экскурсию, проводимую на французском, мы думали что хоть что-то да поймём. Я до поездки в Монреаль тщётно пытался овладеть основами французского, но в Монреале мне это мало помогло. Скажу честно, я с равным успехом мог бы понять откровение на языке племени мумбу-юмбу. Экскурсовод доставал из вольеры очередного попугая - сажал себе на плечо или на руку и начинал рассказывать о своём питомце, представляя каждого по имени. Судя по тому что все вокруг хохотали непрерывно - экскурсовод обладал незаурядным чувством юмора, которое мне, увы, не суждено было оценить.





По команде попугаи исполняли разнообразные телодвижения - распускали крылья, вытягивали шеи, откликались на вопросительные интонации экскурсовода приветствиями и репликами по-французски. В один момент после обращения экскурсовода к попугаю, сидящему у него на плече, все птицы в вольере вдруг оживились и начали наперебой один другого громче произносить то ли свои имена, то ли комментарии к сказанному. Видимо то, что было сказано, задело птиц за живое. После речи экскурсовода мы подошли к вольерам и попытались завязать разговор с умными птицами - на наш Бонжур попугаи с удовольствием отвечали своим Бонжуром, дальше этого разговор не пошёл из-за языкового барьера. Но и от этого небольшого обмена любезностями детки мои были в восторге.

Тропические птицы, проживающие в соседнем крытом помещении, более всего поразили меня своей сентиментальностью - на табличках было написано не говорить громко в их присутствии, так как птицы очень чувствительны к звуку, любой громкий звук вызывает у них стресс, чреватый выпадением перьев. Птахи выглядели необычно - ранее в зоопарках мне таких видеть не доводилось. Удивительно, в каких красочных и разнообразных формах существует жизнь на земле. В фантазии своей человек издавна рисует всяких сказочных мифических существ, пытаясь превзойти природу в креативности. На самом деле природа креативней любых наших фантазий. Чем более видишь всякой живности обитающей, или когда-либо обитавшей в различных уголках земли, тем более убеждаешься, что в сочетании случайности и необходимости, породивших всё это многообразие, есть нечто превосходящее наш разум. Можно ли назвать разумным то, что превосходит разум? Вопрос, есть Создатель или есть одна лишь природа с эволюцией, лишается своей остроты, переходит просто в плоскость риторики, в плоскость выбора названий тому, что не нуждается ни в каких названиях. Так и на ферме тропических птах стоял я у клеток глядел на это пернатое чудо и чуял в красоте их, что-то превосходящее меня, что то не требующее моего объяснения но вопрошающее моего созерцания: перестань думать, просто откройся и "вижь и внемли".

Следующая ферма, которую мы посетили два раза, называлась Интермил -пчельник и мини завод медовых вин и продуктов производных от цветочного нектара. Miel - по-французски значит мёд ну а интер и без перевода понятно. Как и в любой из экзотических ферм по пчельнику и мини-вин заводу проводится экскурсия. На этот раз мы выбрали экскурсию на обоих языках английском и французском, потому с пониманием на этот раз было куда проще. Сначала экскурсовод с удивительно жизнерадостным лицом, комплекцией и движениями, сам напоминающий пчелу, поведал нам пчелиные секреты. В зале со стеклянными витринами можно было увидеть жизнь пчел внутри сот: тысячи маленьких пчёл хаотично ползали по ячейкам сот под витринными

стеклами. Экскурсовод говорит, пчёлы точно знают, где они живут, так как каждая пчела "прикреплена" неразрывными узлами к своей королеве (пчеломатке) - пчела никогда не залетит по ошибке в чужой улей. Мои детки отличились тем, что первые отыскивали пчелиную королеву в кипящих жизнью сотах под стеклом. Королева мало чем отличалась от обычных пчёл-тружеников. Единственное отличие, по которому её можно было заметить среди её "подданных" - это необычайно большая задняя часть. Со слов экскурсовода с самого появления на свет королева живёт на особой диете. Она питается не обычным нектаром а "королевским желе", в результате чего скорость роста её превосходит в разы скорость роста тружеников. Пчеломатка не покидает пределы улья - о её пропитании беспокоятся её подданные. За один день пчеломатка производит на свет около 2-х тысяч новых подданных. На мой вопрос, есть ли какое-то генетическое отличие пчеломатки от остальных пчёл, экскурсовод ответил, что никакого генетического отличия нет - она совершенно такая же как и все остальные пчёлы, любая пчела если её с рождения кормить "королевским желе" превращается в королеву и становится чрезвычайно плодотворной. Королевское желе, заметил по ходу экскурсовод, так же оказывает удивительное влияние на человеческий организм, повышает тонус, вызывает прилив энергии и всё такое. Естественно приобрести желе можно в магазинчике при ферме. Поскольку ферма - частное коммерческое предприятие, то лекция кроме информационной компоненты несла компоненту рекламную - ведь все посетители начинали и заканчивали экскурсии в магазинчике при ферме. Единственно, что я не понял, это как пчёлы выбирают свою королеву, что им подсказывает что вот именно эту невзрачную пчёлку нужно кормить желе, и что именно она будет приносить им по 2000 здоровых пчелят в день. Ведь у пчёл нет ни пиар компаний, ни честных выборов, ни бронетранспортёров, ни капиталов, поставленных на кандидата в "пчеломатки" - как же они едиными законами природы решают, кому доверить будущее всего пчельника. Неужели всё происходит случайно, любая здоровая пчела оказавшаяся в правильном месте в правильное время становится королевой? С экскурсоводом я не стал углубляться в "политические" вопросы жизни пчельника.

Далее экскурсовод повёл посетителей собственно в сам пчельник, отгороженный от посетителей непроницаемой сеткой. Выбрав из толпы детишек мальчишку добровольца и облачив его в костюм пасечника, экскурсовод направился за сетку к улью в сопровождении мальчишки. Мы в группе посетителей остались лицезреть через сетку, как экскурсовод с ассистентом будут открывать улей и вынимать из него соты. Ассистент-доброволец окурил пчёл из доверенной ему экскурсоводом лейкообразной дымовой шашки. Затем экскурсовод, на котором, надо заметить, не было ни защитных рукавиц ни сетки-маски, достал соты с роящимися на них пчёлами из улья, и провёл по ним рукой. Одурманенные дымом пчёлы переползли на руку, окутав её шерстяною рукавицею. На лице его нарисовалось удовольствие сродни удовольствию хозяина, о ногу которого трётся мурчащая кошка. Я люблю пчёл - пчёлы любят меня, такую простую мораль можно было вывести из представшей перед глазами картины. Экскурсовод рассказал, какие виды мёда пчёлы производят в зависимости от растительности произрастающей вокруг и как путём посадки разных цветущих культур они получают тот или иной мёд. Пчёлы не улетают далеко от улья, поэтому достаточно рассадить нужную растительность в зоне покрытия определённого улья, чтобы получить определённый мёд.

Поместив соту обратно в улей, экскурсовод вернулся с ассистентом в помещение по нашу сторону сетки. Посетители поприветствовали мальчика-смельчака бурными аплодисментами.

Затем посетители проследовали через производственные помещения винодельни с зеркальными цистернами в зал дегустации медовых вин. Экскурсовод, поднимая с барной стойки бутылку за бутылкой, начал своё представление различных марок медовух. Рассказывая о крепости, травах и ягодах, добавляемых к вину, определяющих вкус данного напитка, блюдах, к которым уместно употребление его и коктейлях, которые можно приготовить с данными вином, экскурсовод наливал вино в маленькие одноразовые стаканчики и разносил их по столам. В общей сложности мы попробовали маленькими порциями грамм по 10-15-ть, около 18-ти вин. Вкус удивительный и очень разнообразный. Чем-то напомнило мне дегустацию сладких крымских портвейнов. Кстати, сразу оговорюсь, что дегустацию, которая входит в программу платной экскурсии, можно произвести и совершенно бесплатно в магазинчике при ферме. Персонал очень заинтересован, чтобы посетители что-то купили и поэтому в магазинчике угощают всем ассортиментом, зазывая посетителей попробовать вина, медовые горчицы, джемы и прочее и рассказывая об их свойствах не менее подробно, чем услышишь на экскурсии.

После дегустации, летящей походкой, мы направились в другой зал, где экскурсовод просветил нас о целебных свойствах и вкусовых качествах другой продукции, дав попробовать каждому из посетителей десятки разнообразных джемов, горчиц, медов.

На этом экскурсия закончилась, и посетители направились в магазин закупать впрок понравившиеся им вина и мёды. В магазине нас радушно встретила хозяйка медовой фермы. С ней мы познакомились ещё накануне, заехав сюда под конец дня, после того как посетили ферму попугаев. Хозяйка была приятно удивлена, что мы вернулись, чтобы пойти на экскурсию. В основном посетители ферм - квебекцы, даже жители англоязычной Канады видимо не часто заезжают в эту местность, не говоря уже о жителях США и тем более, русских, не живущих в Квебеке. То, что мы приехали из США, заинтриговало хозяйку, но в гораздо большей степени она была удивлена тем, что мы не остановились на ночь где-то в отеле поблизости, а приехали второй раз из САМОГО МОНРЕАЛЯ. Ещё раз напомню, что от Монреаля до фермы минут 35 езды, если без пробок. То есть в её понимании ферма настолько удалена от города, что проехать до неё лишней раз из города - это подвиг из разряда похода Амундсена на Северный полюс.

С таким же восприятием удалённости местных краёв от города мы столкнулись и на других фермах, беседуя с местными, кто понимал английский - все глубоко удивлялись не тому, что мы изначально приехали из США, а тому, что мы специально приехали сюда из Монреаля.

Мы поболтали о том, о сём – выяснилось, что сестра Вивиан, так звали хозяйку, работает в Москве в известной косметической фирме, а сама она любит путешествовать в Вермонт - он напоминает ей Англию. На прощание хозяйка дала детям кучу бесплатных конфет.

Мы ходили по той части фермы, где более ради увеселения приезжих, чем ради какой-то практической нужды, содержались в загончиках разнообразные сельскохозяйственные животные

- козочки, овечки, свиньи, ламы - погладили зверьё по тёплым и шершавым носам, сели в машину и поехали домой.



На следующий день мы вернулись в это местность опять, но уже на ферму страусов. На ферме мы опять же записались на экскурсию - единственную в этот день и опять же на французском. О чём говорилось во время экскурсии, мне большей частью приходилось догадываться. Собственно, это и не столь важно - если ваша цель увидеть ферму страусов, то и без знания языка вы её реализуете в полной мере. К тому же любого экскурсовода, говорящего на французском, можно переспросить на английском и получить исчерпывающий ответ - вы же в Канаде, двуязычной стране.

Страусиная ферма чем-то напоминала курятник. Особенно маленьких цыплят напоминали страусята - такие же пушистые, жмущиеся друг к другу существа. Они очень забавно, словно по команде срывались с места и единой кучей стремительно передвигались в другой конец вольеры, когда что-то их пугало. В основном птицы размещались в отгороженных железными сетками вольерах. Некоторые взрослые особи были раза в полтора выше человеческого роста и вели себя не очень дружелюбно. На ферме содержалось несколько разновидностей страусов - но из-за языкового барьера я не усвоил, в чём именно заключались различия.

В зоопарках страусов выращивают чисто в демонстративных целях. Здесь же на ферме страусы выращиваются ради яиц, мяса и жира, которое идёт на мыло - согласитесь в таком ракурсе недружелюбность птиц вполне объяснима. В крытом помещении со стойлами, похожими на коровьи, как в люксовых апартаментах размещались страусы куда более покладистого характера, эти птицы были особые - их снимали в известных кинофильмах, и на этом основании определённая неприкосновенность им была гарантирована. Эти птицы были практически ручными. Рассказывая что-то о связи страусов с динозаврами экскурсовод завела посетителей в вольеру одной из ручных "кинозвёзд" и, подняв ей крыло, продемонстрировала рудиментарную лапу с когтями которая находится на внутренней стороне крыла страуса. Затем каждому из посетителей была предоставлена возможность погладить птицу - птица не возражала, какая ж кинозвезда не любит когда её гладят и ласкают.



Посетили мы и инкубатор. Там в стеклянных шкафах, похожих на холодильники для напитков в продуктовых магазинах, лежали огромные с регбистский мяч страусиные яйца. Рядом на полках в ящиках - яйца, из которых уже проклёвывались птенцы. В некоторых ящиках птенцы уже полностью освободились от скорлупы. Настоящие маленькие динозавры. Тут родственная связь с древними монстрами была вполне наглядна.

После осмотра фермы нас привели в магазин и предложили к дегустации сосиски, колбасы и гамбургеры из страусиного мяса. Мы вежливо отказались. Единственно, что мы купили в магазинчике на память это страусиное мыло, которое обладает удивительным свойством смягчать кожу лучше любого крема. Намылив руки этим мылом, вы не можете его смыть водой - оно остаётся на руках слизистой плёнкой, сколько бы вы не лили на руки воды. Но уже через несколько минут, если вы дадите рукам подсохнуть - плёнка впитывается и кожа становится удивительно мягкой как у ребёнка. Собственно так вот на мыльной ноте закончилось наше знакомство с экзофермами.

Общие впечатления от жизни в Монреале.

В заключение хочу сделать несколько небольших заметок о славном городе.

Мне показалось, что в Монреале, как таковых, нет трущоб, то есть районов отличных крайней нищетой, деградацией и агрессией обитателей. В Нью-Йорке и его пригородах, например, есть районы, из которых очень вероятно не вернуться живым, случайно попав туда без автомобиля в тёмное, да в общем-то и в любое время суток. И выглядят эти районы, как Германия после бомбёжки союзниками. При чём, если представить, что бомбёжка эта осуществлялась не только снарядами, но плюс к тому ещё всеми мусорными и пищевыми отходами тех же союзников. В

Монреале ничего подобного я не видел. Даже те районы, которые по многим признакам можно считать бедными - довольно чистые, со стриженными газонами, с цветочными ящиками на окнах и незлобивыми лицами. В стране, где при любом раскладе обеспечена крыша над головой и какой-то жизненный минимум с гарантированными медобслуживанием и питанием, люди не бросаются в крайности, отчаяние и агрессию против отвергшего их общества, они просто от нечего делать сажают цветочки на собственных балконах.

Второе, этнический состав Монреаля отличается от того же Нью-Йорка. Если в Нью-Йорке среди, так называемых, меньшинств преобладают латиноамериканцы и чернокожие американцы, которые многими поколениями своей родословной связаны с американским континентом, то в Монреале преобладают в основном выходцы из франкоязычных колоний Африки и ближнего востока. С ними соответственно во множестве Монреальских ресторанов преобладает восточная тематика - десятки вариантов разнообразных шашлыков, основанных на разных приправах.

Хотя все надписи на магазинных вывесках, рекламных щитах, дорожных указателях - по всему Монреалу исключительно на французском, город делится на франкоговорящие и англоговорящие части. Но большинство населения и там и там говорит на обоих языках. При приёме на любую работу, особенно связанную с общением с клиентами, требуется знание обоих языков, поэтому в любом магазине, кафе, банке - с вами автоматически будут говорить на том языке, на котором вы начнёте разговор.

Если сам Монреаль двуязычен, то в ближайших пригородах его большинство не понимает английского. Путешествуя в направлении гор Лорентидов на экзофермы, мы столкнулись с тем, что многие в провинции не понимали английский.

Монреаль - экологически ориентированный город. Здесь хорошо тем, кто любит ходить пешком и ездить на велосипеде. Ездить по городу на своей машине накладно, потому что нигде, абсолютно нигде, нет бесплатных парковок - где бы вы не припарковали машину за стоянку надо платить от 2-х долларов за час. Видимо так город борется с излишним количеством машин - облагая водителей данью идущей в бюджет города. В то же время везде стоят автоматы проката велосипедов - за 7 долларов можно взять на прокат велосипед на целый день.